

О. А. Анисимова

**ИДИОЛЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА
(на материале романа Е. Водолазкина «Лавр»)**

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Поступила в редакцию 13.03.2025 г.

Принята к публикации 05.06.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-4

36

Для цитирования: Анисимова О. А. Идиолект художественного произведения в зеркале перевода (на материале романа Е. Водолазкина «Лавр») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №3. С. 36 — 45. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-4.

Идиолект, идиостиль художественного произведения и субъективная сторона продукта речевой деятельности рассматриваются как объект перевода на иностранный язык. Ставится вопрос о стратегии анализа языковых средств произведения, позволяющей наиболее полно воссоздать картину вымышленного мира в воображении иноязычного читателя. Целью исследования стало изучение влияния интерпретации идиостилевой стороны художественного произведения на работу переводчика. В основу методологии исследования легли постулаты интерпретирующей семантики Ф. Растье как дескриптивной модели интерпретации текста. В ходе исследования установлены и интерпретированы особенности идиолекта и идиостиля как художественного инструмента создателя произведения, а также проанализировано их отражение в зеркале перевода на французский язык.

Ключевые слова: Е. Водолазкин, идиолект, идиостиль, интерпретирующая семантика, «Лавр», художественный перевод

Введение

Размышление о лингвистике перевода поднимает на поверхность отношения между двумя различными культурами, прямое сообщение между которыми считается невозможным. Проблемы интерпретации текста, с которыми сталкивается специалист при работе над художественным переводом, определяют актуальность нашего исследования: как отмечают лингвисты, непосредственно факт осуществления речевой деятельности на каком-либо языке — не универсальное событие,

поскольку любая речевая деятельность обусловлена индивидуальными особенностями говорящего, его личным выбором языковых средств и принадлежностью к социальной или территориальной группе [15].

Исследование авторской репрезентации картины мира, будь то вымышленный мир или основанная на исторических фактах хроника, тесно связано с концепцией идиолекта и идиостиля. Мы определяем художественный текст как продукт речевого вида деятельности и представляем результат художественного перевода как создание идентичной оригиналу картины мира в воображении иноязычного читателя [1]. Глубокое понимание идиостиля художественного произведения дает возможность передать всю полноту информации о литературных персонажах и событиях, воздействовать на эмоциональное состояние читателя, а различные стратегии перевода способны помочь сохранить исходные характеристики произведения [9; 15; 16]. Таким образом, идиолект является ключевым фактором, влияющим на конечный продукт работы переводчика.

Цель нашего исследования — изучить влияние понимания переводчиком идиостиля произведения на результат художественного перевода. Необходимо отметить, что задача оценки правильности лингвистических выборов переводчика нами не ставится, работа нацелена на выявление лингвистических особенностей идиостиля (на материале конкретного русскоязычного произведения) и сопоставление оригинала с его переводом на французский язык.

Использование языка индивидом соотносит концепт идиолекта с теорией речевых актов. В контексте переводческой деятельности перспективным представляется именно семантический анализ идиостиля, позволяющий выявить уникальные особенности языка произведения и с максимальной полнотой передать их в переводе [18]. Материалом исследования стали тексты романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» и его перевода на французский язык «Les quatre vies d'Arséni». В ходе работы была применена методология интерпретирующей семантики Ф. Растье для выявления изотопий романа как характеристики идиолекта автора в рамках произведения.

Ход исследования

Концепт «идиолект» тесно связан со смежным понятием «идиостиль». Внесем ясность в вопрос демаркации этих понятий.

Формирование идиолекта как феномена речевой культуры определяется процессами развития языковой личности. Идиолект является речевым инструментом репрезентации языковой картины мира индивидуума, способом использования функциональной системы языка. На этом уровне проявляются языковая память и генетика лингвистического мышления автора, формирующие связанное множество индивидуальных и стилистических особенностей, характеризующих речь человека. В. А. Виноградов определяет идиолект как совокупность «формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [5, с. 171]. А. Е. Бочкарев отмечает, что идиостиль реализуется в текстовой деятельности индивидуума и характеризуется

наличием цели, которая проявляет интенции автора [4]. Оба понятия связаны между собой иерархически, как сочетаемость поверхностной (идиолект) и глубинной (идиостиль) структур. В рамках художественного произведения идиостиль автора формирует «поэтический мир» персонажей: идиолект представляет собой набор характеристик речи индивида — конкретного персонажа или самого автора, а идиостиль — установленную автором как языковой личностью систему использования языковых средств в пределах конкретного произведения или корпуса произведений. В терминологии Э. Косериу идиолект соответствует понятию индивидуальной нормы — постоянной модели в речи индивида, которая является промежуточным звеном между социальной нормой и высказыванием [10].

О. И. Северская и С. Ю. Преображенский выделяют три модели идиолекта: семантическую, синтаксическую и прагматическую. Данные модели соответственно отражают картину мира, ее «образ» (интерпретацию) и целостную ее репрезентацию как «альтернативной» по отношению к иным картинам мира [15, с. 148]. В нашей статье мы остановимся на некоторых семантических особенностях идиолекта романа «Лавр».

В рамках художественной литературы понятие идиолекта может казаться тождественным образу автора, но это верно лишь отчасти. Более того, Ролан Барт предлагает для определения сущности автора термин «скриптор», понимая под этим определением писателя как создателя произведения и отмечая, что скриптор рождается одновременно с текстом и не имеет никакого бытия до и вне письма, он не является субъектом, в отличие от определяющего объяснение произведения читателя [2].

При переводе на иностранный язык в текстовом поле порой возникают конфликты между мышлением автора и личностью переводчика, что ведет к трансформациям и утратам [8]. Поэтому на этапе предпереводческого анализа текста очень важен семантический разбор произведения, чтобы не только наметить русло, в котором далее будет продвигаться работа над переводом, но и выявить идиостиль автора и идиолект, реализованный в данном произведении.

Однако этот шаг приводит к вопросу о методе, наиболее достоверно актуализирующем контекст и способствующем в дальнейшем адекватному выбору языковых средств, отражающих те же или сходные семантические связи в языке перевода. Франсуа Растье в качестве дескриптивного инструмента для анализа художественных текстов предложил модель интерпретирующей семантики, основанную на прагматических факторах и позволяющую обосновать семантику текста за счет микросемантики.

Ф. Растье называет идиолект «определяющей инстанцией» для уточнения символической и метафорической связей в тексте [14]. С его точки зрения, идиолект представляет собой «присущее определенному отправителю использование функционального языка» [14, с. 210]. Говоря о типах отношений между означающим и входящими в него содержаниями, интерпретирующая семантика выделяет ярусы смысла, значения и употребления. Одно означающее может иметь несколько смыслов, каждый из которых может образовывать значение или употребление, влекущие за собой реализацию. Это определяется понятиями афферентных

и ингерентных сем, серийные отношения тождества между которыми составляют изотопии, становящиеся, в свою очередь, опорными точками в интерпретации текста [3; 14; 19].

Определение этих фундаментальных категорий сем восходит к дихотомии означающего и означаемого у Ф. де Соссюра. Ингерентные семы представляют функциональную систему языка, объединяя денотативные, различительные, определительные и универсальные признаки понятия. Афферентные семы являются репрезентацией социализированных и идиолектных норм, отражая коннотативные, скрытые признаки. Соответственно, ингерентные семы определяют симметричные и рефлексивные отношения тождества или несовместимости, а афферентные семы — несимметричные и нерефлексивные отношения импликации, проявляющиеся в виде метафор, социолектных фразеологизмов и т. п.

Растье выделяет три яруса семантических компонентов — ингерентных сем, социально нормированных афферентных сем и локально афферентных сем. Собственно идиолект представляет тип систематики третьего яруса — употребления (локально афферентные семы), где областью представления является текст.

Ход нашего исследования переводческой интерпретации текста включал три основных действия:

1. Определение корпуса. При изучении идиолекта принято использовать корпусно-количественный метод, что нередко предполагает расширение корпуса до предельно возможной лингвистической единицы — всего творчества автора. Однако, возвращаясь к определению различия между понятиями «идиолект» и «автор», следует отметить, что не все тексты одного автора могут находиться в границах одного идиолекта. Поэтому мы ограничиваем корпус исследования одним произведением.

2. Поиск кодов. Каждый текст связан с языковой структурой и социолектом, но идиолектные структуры могут быть реализованы не всегда. К области социолекта можно отнести следующие ключевые изотопии романа «Лавр»: «медицина», «религия», «хронотоп», «трансцендентность».

3. Обращение к прагматическому окружению, включающее работу со всеми возможными внешними источниками информации об авторе, языке, исторических составляющих и т. п.

Сравнительно-сопоставительный анализ двух текстов — «Лавр» и «*Les quatre vies d'Arséni*» — выявил некоторые разночтения, которых возможно было бы избежать, опираясь на принцип презумпции изотопии и семантический анализ. Далее приведены некоторые примеры переводческих жертвований или трансформаций.

Результаты исследования

Прежде всего отметим, что роман Е. Г. Водолазкина «Лавр» вызывает особый интерес использованием оригинальных языковых средств. Можно сказать, что он не является универсальным текстом, понятным в полной мере любому читателю, но представляет собой «роман языка», ориентированный на читателей, принадлежащих к определенной

лингвокультуре — русскоязычной, христианской, имеющих хотя бы номинальные представления о житийных религиозных текстах и способных «считывать» стилизацию агиографии. На русском языке роман был издан под названием «Лавр», но для публикации на французском языке его название изменили на «Les Quatre vies d'Arséni». Оба названия отражают сюжетный код романа, поскольку и Лавр, и Арсений — имена главного героя в разные периоды жизни. Однако, на наш взгляд, важным является тот факт, что Арсений — это имя, данное герою при рождении, а Лавр — имя, которое он принимает под конец своей жизни. Поскольку роман стилизован под житийный текст, представляется логичным для его интерпретации опираться на религиозное мировоззрение. Смерть в христианском понимании — это завершение земной и начало вечной жизни. Кроме того, понятие «конец земной жизни» семантически связано с образом Пасхи, главным праздником в восточной христианской культуре, в то время как рождение связано с Рождеством — главным религиозным праздником в концепции западного христианства. Кроме того, можно предположить и влияние прагматического фактора на перевод названия романа: «Четыре жития Арсения» отражают духовную трансформацию героя, в то время как название «Лавр» (лат. *laurus* или фр. *laurier*) могло вызвать ассоциацию с растением (интересно при этом, что испанское, американское и немецкое издания были выпущены под названием «Laurus», а на обложках турецкого и датского изданий изое бражены ветви лавра).

Структурно роман разделен на 5 частей — Прологомена, Книга познания, Книга отречения, Книга пути и Книга покоя, представляющие собой код житийного описания и вехи линейного течения времени. Во французском тексте названия частей сохранены: *Prolégomènes*, *Le Livre de la Connaissance*, *Le Livre du Renoncement*, *Le Livre du Voyage*, *Le Livre du Repos*. Исследователи обращают внимание на значимость концепции времени и пространства в романе, отмечая в основном грамматические и лексические характеристики текста [7; 11; 12]. Очевидно, что категория времени асимметрично проявляется в разных языках, что составляет сложность для перевода [17]. Однако в контексте романа «Лавр» кириллические числа в качестве знакового письма для записи дней недели и нумерации глав также несут смысл, коррелирующий с временной осью сюжета романа, и в том числе являются частью картины жития вымышленного святого и ключевой изотопии темпоральности и хронотопа, о чем непосредственно в тексте романа, в 15-й главе Книги Познания, автор говорит прямо: «Неделя имат семь дний и прообразует житие человеческое» [6]. В некоторых главах представлены события, связанные со значением буквы соответствующего дня: главы с литерой первого дня (рождение детища) часто связаны с рождением кого-либо буквально или духовно, а в главах с литерой седьмого дня (скончание) упоминается смерть, свершившаяся или грядущая. Таким образом, мы приходим к выводу, что система оглавления выступает составляющей частью идеолекта автора в рамках данного романа и несет определенную смысловую нагрузку, подчеркивая его темпоральную многослойность.

Одна из наиболее ярких изотопий романа — «Медицина». Она реализуется среди прочего в использовании большого объема медицин-

ской терминологии, современной и устаревшей, диалектных названий болезней, лекарственных трав и снадобий. В том числе используются бытовые названия, представляющие понятия, сложившиеся в поле русскоязычного социума [13]. Так, в первых главах романа мы читаем пересказ притчи о Соломоне и Китоврасе, заплакавшем при виде свадьбы и засмеявшемся, услышав вопрос некоего человека о долговечности сапог. В данном отрывке семантически противопоставляются глаголы «плакать» и «смеяться», а завершается он упоминанием особенного растения: «Чтобы Арсений легко засыпал, Христофор клал ему под подушку траву плакун. Оттого Арсений засыпал легко. И сны его были безмятежны» [6, с. 18].

Признак «слезы» является ингерентным (функциональная система языка, денотативный признак) для глагола «плакать» и афферентным (идиолектная или социализированная норма, коннотативный признак) для названия растения «плакун», образуя локальную изотопию и составляя законченную композицию. Но во французском тексте эта изотопия кажется разрушенной и на первый план предположительно выходит ингерентный признак «успокоительное; снотворное»: «Pour qu'Arséni s'endorme facilement Khristofor lui mettait du millepertuis sous l'oreiller. Alors Arséni s'endormait facilement. Et son sommeil était paisible» [19]. *Millepertuis* соответствует в русском языке названию «зверобой», а это совершенно иное растение. Ботаническое название «плакуна» — дербенник иволистный: для избавления от лишней влаги на листьях растения выступают капли, которые выглядят как слезы. Французское бытовое название дербенника — *salicaire*, но во франкоязычных источниках также широко используется латинское название *lythrum salicaria*, от *luthrôn* (греч.) — капля крови и *salicaria* (греч.) — ива. Несмотря на кажущуюся разность, оба названия — русское и французское — нашли свое отражение в христианских легендах: в русском варианте это слезы Богородицы при виде страданий Христа на кресте, во французском — капли крови Христа. Но, что интересно, во Франции в Средние века *millepertuis* (зверобой), находя свое применение в медицине для исцеления ран, считался также растением белой магии и был известен под локальными именами *chasse-diable* (прогоняющий дьявола) и *fléau du diable* (бич дьявола) за приписываемую ему способность исцелять людей, одержимых злыми духами. Традиция подвешивать пучки зверобоя у входа на чердаки и у окон жилищ, как и носить его на теле человека для отпугивания нечистой силы в ночь Иоанна Крестителя, существовала в Центральной Европе до XIX в. Отсюда и еще одно известное локальное наименование — *l'herbe de la Saint-Jean* (травя праздника Святого Иоанна). Таким образом, мы видим, что, несмотря на различие репрезентаций и жертвование фонетическим созвучием «плакать» и «плакун», русский и французский ботанические термины имеют общие афферентные семы — «прогоняющий злых духов» и «религия», но тем не менее при переводе на французский язык в данном случае был утрачен один из наиболее ярких символов романа — «слезы».

Интересный пример переводческой трансформации с сохранением семантического образа представлен в таблице 1.

Таблица 1

Сема «религия» на примере фитонимов

«Лавр» (Е. Г. Водолазкин)	«Les quatre vie d'Arséni» (trad. de Anne-Marie Tatsis-Botton)
Щелок он делал из кленового листа и белой травы Енох, которую они вместе собирали на воз- вышенностях. От щелока золотые волосы Арсения становились мягкими, как шелк. В солнечных лучах они светились. В них Христофор вплетал листочки дя- гиля — чтобы люди любили. При этом он замечал, что Арсения люди любили и так.	Il la (l'eau de cendre) préparait à partir de feuille d'érable et d'une petite plante blanche appelée <i>hénoch</i> qu'il ramassaient dans les collines. Lavés, les cheveux dorés d'Arséni devenaient doux comme de la soie. Ils brillaient dans les rayons du soleil. Khristofor les entremêlait de feuilles d'angélique — pour que les gens l'aiment. Mais il voyait bien que les gens l'aimaient sans cela.

В романе заметно проявляется изотопия «религия», создавая иллюзию агиографического текста. Так, в представленном пассаже, рисуя облик чудо-ребенка, Е. Г. Водолазкин упоминает траву Енох. Примечательно, что в отличие от прочих примеров упоминания в тексте старинных названий трав, в данном примере название написано с заглавной буквы, объединяя семы «растительный мир, трава, суеверия» и сему «имя собственное». Имя Енох связано с библейской риторикой, и переводчик, находя для прочих названий магических трав эквиваленты на французском языке, в этом примере использует запись библейского имени, принятую во французской культуре (*hénoch*), но со строчной, а не с прописной буквы. Предположительно, трава енох — это дягиль, его современное название возникает в тексте далее, и французское наименование этого растения (*l'angélique*) помогает актуализировать сему «религия» уже во французском тексте.

Изотопия религии в романе актуализируется интерпретатором наиболее масштабно не только в специфических лексемах, но и за счет семантической нагрузки архаичных глагольных форм древнерусского языка, обладая коннотативными признаками церковной речи, сигнализируя уже о семах, связанных с гомилетическим дискурсом. И если в тексте проповеди или толкования архаичные граммы представляют только функциональную сторону языка и ингерентные семы, то в рамках художественного произведения эти же граммы несут нагрузку афферентных сем. Семемы, выраженные граммами, входят в конечные и неизменные классы, однако в рамках романа «Лавр» граммы получают зависимость от авторского идиолекта, не только выступая в хронотопическом значении, но и отличая внутреннюю речь персонажа от слов автора в отсутствие синтаксического оформления. Во французском переводе эту семантическую нагрузку принимает архаичная орфография,

поскольку французский агиографический текст не имеет своего особого языка и соответствует форме языка той эпохи, когда было написано то или иное житие (табл. 2).

Таблица 2

Грамматическое и орфографическое выражение семем.

«Лавр» (Е. Г. Водолазкин)	«Les quatre vie d'Arséni» (trad. de Anne-Marie Tatsis-Botton)
Что убо о сем речеши, записывал он в сердцах на куске бересты.	Mais quoy dire à tout ceci, écrivait-il sur un morceau d'écorce de bouleau.
Что убо плачещи, спросил мальчика Христофор.	Pourquoy plorer, demanda Khristofor à l'enfant.
Зрю на нем знамение смертно, ответил мальчик.	Je vois sur luy le signe de la mort, répondit l'enfant.

43

Выводы

Роман «Лавр» представляет собой мистификацию житийного текста, и автор мастерски использует языковые средства, создавая уникальный идиолект романа и контекстуальное поле, понятное представителям русской лингвистической культуры. Различие русской и французской языковых систем составляет проблему для адекватного и полного воссоздания этой картины вымышленного мира в представлении иноязычного читателя [1].

В ходе исследования были сделаны следующие выводы:

1. Некорректно отождествлять идиолект конкретного произведения с личностью автора, поскольку идиолект автора может варьироваться в зависимости от типа текста.

2. Как показывает пример разбора романа «Лавр», выбор дескриптивного инструмента интерпретирующей семантики и подробного семантического анализа открывает скрытые грани художественного произведения, расширяет и делает объемным контекстуальный слой и помогает актуализировать его в языковых последовательностях сем текста перевода.

3. При взаимодействии мышления автора и мышления переводчика возможно избежать лингвистического конфликта при условии выбора инструмента интерпретирующей семантики и подробного семантического анализа на предпереводческом этапе работы.

Становится очевидным, что даже кажущиеся незначительными детали играют важную роль при воссоздании эстетического замысла автора, а семантический анализ позволяет актуализировать все смыслы текста-источника и приблизиться к созданию истинного текста-близнеца на другом языке. Выбранная стратегия перевода в целом сохранила эти характеристики, но вместе с тем привела и к некоторым семантическим утратам. Таким образом, идиолект и его обусловленность афферентными семантическими связями можно определить как ключевой фактор, влияющий на конечный продукт работы переводчика и восприятие текста иноязычным читателем.

Список литературы

1. Анисимова О. А. К вопросу о презумпции изотопии в художественном тексте как объекте перевода // Казанская наука. 2024. №9. С. 275 – 277.
2. Барт Р. Разделение языков // Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 519 – 534.
3. Болдырев Н. Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. №2. С. 34 – 44.
4. Бочкарев А. Е. Семантика. Основной лексикон. Н. Новгород, 2014.
5. Виноградов В. А. Идиолект // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 171.
6. Водолазкин Е. Г. Лавр. М., 2021.
7. Гудин Д. С., Сорокина Н. В. Символика пространства-междумирья в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, №9. С. 33 – 37. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.7>.
8. Дзанарова Е. Б. Личность автора и личность переводчика: столкновение позиций и творческий синтез // Научный диалог. 2024. Т. 13, №7. С. 70 – 88. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-70-88>.
9. Корниенко Е. Р. Идиолект и идиостиль: к вопросу о соотношении понятий // Филология: научные исследования. 2019. №1. С. 52 – 71. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.1.28871>.
10. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М., 1963. С. 143 – 343.
11. Кротова Д. В. Модели интерпретации проблемы времени в современном романе: «Лавр» Е. Водолазкина, «Миусская площадь» М. Голубкова // Отечественная филология. 2017. №4. С. 96 – 104. doi: 10.18384/2310-7278-2017-4-96-105.
12. Подрезова Н. Н., Харлашкин Ю. С. Семантика кладбищенского хронотопа в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Сибирский филологический журнал. 2018. №2. С. 134 – 138. doi: 10.17223/18137083/63/12.
13. Попова Т. Г., Мальчивецкая Ю. В. Фитонимическая лексика в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Русская речь. 2017. №5. С. 41 – 48.
14. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / пер. А. Е. Бочкарева. Н. Новгород, 2001.
15. Северская О. И., Преображенский С. Ю. Функционально-доминантная модель эволюции индивидуальных художественных систем: от идиолекта к идиостилью // Поэтика и стилистика: 1988 – 1990. М., 1991. С. 146 – 155.
16. Чертоусова С. В. Передача эрратологического компонента социолектных и региональных особенностей речи персонажей в художественном переводе (на материале романа Г. Кабреры Инфанте «Три грустных тигра») // Art logos. 2023. №3 (24). С. 226 – 240. doi: 10.35231/25419803_2023_3_226.
17. Badir S. Discours théoriques et temporalités discursives // Actes sémiotiques. 2024. №130. P. 101 – 124. <https://doi.org/10.25965/as.8255>.
18. Régis M., Kurz-Woste L. Sens, signifiacances, significativités: distinctions conceptuelles pour l'intégration d'une sémantique interprétative dans une sémiotique des cultures // Acta Semiótica et Lingvistica. 2022. №27. P. 31 – 58. <https://doi.org/10.22478/ufpb.2446-7006.46v27n2.63707>.
19. Vodolazkine E. Les quatre vies d'Arséni. P., 2015.

Об авторе

Ольга Андреевна Анисимова — ст. преп., Российский университет дружбы народов, Россия; асп., Российский государственный социальный университет, Россия.

E-mail: anisimovao15@gmail.com

SPIN-код: 3514-2306

ORCID: 0000-0002-4295-0958

O. A. Anisimova

IDIOLECT OF A PIECE OF LITERATURE IN THE MIRROR OF TRANSLATION (based on the novel of E. Vodolazkin "Laurus")

45

Russian State Social University, Moscow, Russia
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

Received 13 March 2025

Accepted 05 June 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-4

To cite this article: Anisimova O. A., 2025, Idiolect of a piece of literature in the mirror of translation (based on the novel of E. Vodolazkin "Laurus"), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №3. P. 36–45. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-3-4.

The idiolect, idiostyle of a literary work, and the subjective aspect of a speech activity product are considered as objects of translation into a foreign language. The study raises the question of a strategy for analyzing the linguistic means of a literary text that would allow for the most complete reconstruction of the fictional world in the imagination of the foreign-language reader. The aim of the research is to study the influence of the interpretation of the idiostylistic aspect of a literary work on the translator's work. The methodology of the study is based on the postulates of F. Rastier's interpretive semantics as a descriptive model of text interpretation. The study identifies and interprets the features of the idiolect and idiostyle as artistic tools of the author, as well as analyzes their reflection in the mirror of the French-language translation.

Keywords: E. Vodolazkin, idiolect, idiostyle, interpretative semantics, "Laurus", literary translation

The author

Olga A. Anisimova, Senior Lecturer, Russian State Social University, Russia; PhD Student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Russia.

E-mail: anisimovao15@gmail.com

SPIN code: 3514-2306

ORCID: 0000-0002-4295-0958